

Мельников-Печерский Павел Иванович

Счисление раскольников

Мельников П. И. (Андрей Печерский)

СЧИСЛЕНИЕ РАСКОЛЬНИКОВ

Мельников П. И. (Андрей Печерский)

Полное собрание сочинений. Издание второе.

С.-Петербургъ, Издание Т-ва А.Ф.Марксъ.

Приложение къ журналу "Нива" на 1909 г.

Томъ седьмой, с. 384-409.

OCR: sad369 (г. Омск)

I.

В прошедшем столетии, в продолжение шестидесяти пяти лет, правительство ежегодно производило гласное, открытое счисление раскольников. Цель его была исключительно фискальная, податная. Петр I установил это счисление с целью обложения раскольников подушною податью и притом двойною против православных. Установленное в 1715--16 годах, оно продолжалось до 20-го июля 1782 г., когда сбор двойного оклада с раскольников был навсегда отменен Екатериною II.

Счисление раскольников производилось чиновниками местной администрации. Они представляли именные ведомости в центральное управление, находившееся в Москве. Сначала, пока счисление находилось в ведомстве святейшего синода, это управление находилось при **духовной инквизиции**, а потом, когда счисление перешло в ведомство правительствующего сената, управление сосредоточено было в особо учрежденной **раскольнической конторе**. Именные ведомости поверялись, и счет раскольников по возможности контролировался, но действительная численность разномыслящих с господствующею церковью в точности все-таки не была известна. Цифры "духовной инквизиции" и "раскольнической конторы" были гораздо ниже цифры действительной, что видно из множества правительственных распоряжений прошлого столетия об отыскании "потаенных раскольников" и обложении их двойным окладом.

Перепись раскольников введена Петром I при следующих обстоятельствах. До него и при нем подати и ратные люди собираемы были с тяглых дворов; таким образом повинности падали не на лица, а на землю, дома, промыслы, уголья и т. п. Система по нынешним экономическим воззрениям правильная и справедливая, но в тогдашнее время внутреннего неурядиства крайне невыгодная для государства. Войны, бунты, голодные года, чума, продолжавшиеся чрез все почти XVII столетие, во многих местностях совершенно обезлюдили тяглые дворы. Оставшиеся в селах и деревнях тяглые люди должны были платить и за себя и за убылых.

Правда, им предоставляемо было пользование оставшимися впусе, за уходом односельцев, землями, но сил не доставало обрабатывать их. Сельские люди стали "разбегаться в рознь", другие во множестве закладывались кабалой за патриарха, за архиереев, за монастыри, за бояр и за других знатных и сильных людей, во владении которых крестьянину было жить несравненно легче. Иные записывались в казаки, в стрельцы, в пушкари, в монастырские служители, ибо этих чинов люди были избавлены от платежа податей. Казна от этого много теряла.

А деньги Петру были крайне нужны на ведение тяжелой, изнурительной войны со шведами. Для увеличения средств к ее ведению, он прибегал к средствам чрезвычайным: устанавливал новые налоги, собирал с церковных колоколен для литья пушек колокола, и пр. В то же время он заботился и об установлении такой податной системы, которая бы доставляла больше государственного дохода с возможно меньшими расходами на его взимание. Для того он велел произвести общую народную перепись (ревизию) и обложить народ **подушною податью**.

Указ о производстве первой ревизии состоялся 26-го ноября 1718 года, но еще до этого времени Петр принимал частные (то есть местные или сословные) меры для производства народных переписей, с целью обложения людей подушною податью. Так, например, в 1710 году он велел переписать всех дворян, с тем чтобы негодных к военной службе обложить подушным окладом. Счисление раскольников и обложение их двойным окладом в 1716 году принадлежит к числу таких же мер. Оно последовало вот по какому поводу.

В 1714 году в Киевской губернии действовала комиссия для производства частной народной переписи. Тамашний губернатор, князь Голицын, представил государю "пункты о беглых из великороссийских губерний раскольниках, что поселились в Стародубье, подле литовской границы". "Велено, писал он к государю, беглых великороссийской породы всех людей из малороссийских городов вывозить в великорусские. В Стародубском уезде поселены слободы великороссийского народа раскольники, и комиссар пишет, что в оные слободы ехать опасно, дабы не разбежались за границу". Февраля 18-го 1715 г. Петр написал на этом докладе князя Голицына следующее: "обложить в оклад".

[*"Полное Собрание Законов Российской империи"*, V, N 2889.]

Перепись произведена, оклад положен, но не двойной, а обыкновенный. За исключением немногих отшедших за рубеж, раскольники остались в Стародубье.

Чрез год после того, именно 8-го февраля 1716 г., Петр велел переписать раскольников обоюго пола по всему государству. Деньги ему тогда были чрезвычайно нужны, и потому он обложил их двойным окладом, полагая, что из мест, удаленных от границ, раскольники не станут бегать в чужие края, в чем однако ошибся.

Оклад назначен был вдвое против платимого купцами и крестьянами. Женщины платили в половину против мужчин. Стародубские раскольники, как жившие у рубежа, оставлены были при платеже обыкновенного оклада.

[Там же, V, N 2991.]

Февраля 18-го того же года велено переписать для обложения двойным окладом раскольничьих монахов и монахинь.

[Там же, V, N 2996.]

Хотя в указе 1716 года раскольники и приглашались записываться в перепись "без всякого сомнения", но они неохотно являлись к производившим перепись. Несмотря на строгие меры правительства, значительная часть их избегала счисления и обложения окладом.

В 1721 году издан "Духовный регламент". В нем, между прочим, было сказано: "Полезно есть

иметь в коллегиуме (то есть святейшем синоде) ведение, сколько во всех епархиях обретается раскольщиков, сия бо ко многим рассуждения требующим случаям помощно есть".

["Духовный регламент", изд. 1856 г., стр. 75.]

Учрежденный в том же году святейший синод признал для себя полезным иметь в своем ведении и двойной оклад, взимаемый с раскольников. Одним из первых действий было ходатайство о предоставлении в его ведение как счисления раскольников, так и сбора с них двойного оклада. Ходатайство свое синод основывал на приведенной сейчас статье "Духовного регламента". "Понеже, -- сказано было во всеподданнейшем докладе святейшего синода: -- по именному его императорского величества повелению, по "Духовному регламенту", раскольнические дела поручены синоду, того ради приличным видится и собираемым с них двойного окладу деньгам и с неисповедующихся штрафам быть в синод присылаемым". Петр был тогда на радостях. "Жестокая школа, двадцать один год продолжавшаяся", как называл он шведскую войну, кончилась; он торжествовал заключение славного Ништадского мира. Приняв титул императора, Петр был в это время так счастлив, так радостен, так щедр и милостив, каким никогда до того времени не бывал. "Рука моя расходилась", -- сказал он Румянцеву, щедро награждая его деньгами и именьями. В это-то время святейший синод и представил свое ходатайство. Петр ноября 19-го 1721 года написал на докладе, поднесенном ему: "быть по сему".

["Собрание постановлений по части раскола, по ведомству святейшего синода", I, стр. 18.]

Теперь в деньгах он не нуждался, "рука у него расходилась", и он отдал двойной оклад в ведение синода. Но, отдавая в ведомство духовенства эту немаловажную статью дохода, он, впрочем, назначил его на дела общепользные: учреждение школ и богаделен при монастырях и т. п.

С двойным окладом и счислением раскольников в духовное ведомство поступило и преследование раскольников, не являвшихся к переписи, а также исследование, действительно ли записывающиеся в двойной оклад состоят в расколе, не были ли они прежде записаны в приходских исповедных книгах и т. д. Для таких действий синод счел нужным ввести в России **духовную инквизицию**, мысль о которой издавна занимала духовенство: некоторые из его представителей пытались даже поставять в пример русским государям усердие к инквизиционным действиям испанских королей.

Инквизиция учреждена была в Москве. Строитель московского Данилова монастыря Пафнутий назначен был "протоинквизитором"; в каждую епархию назначены "провинциал-инквизиторы", которым были подчинены "инквизиторы", находившиеся по городам и уездам. Декабря 23-го 1721 года святейший синод составил для них особую инструкцию, напечатанную в "Полном Собрании Законов Российской империи" (VI, N 3870). Конечно, действия московской инквизиции далеко не то, что действия инквизиции римско-католической; она просуществовала не более пяти лет и не успела развить свои действия, как хотелось инквизиторам. Притом действия ее были направлены не против всех разномыслящих с господствующею церковью, но только против раскольников, да еще суеверов, "сказующих видения или слышания чувственная или сонная". Главное же потому инквизиция не имела у нас значительного развития, что, будучи противна духу православия, она в самом духовенстве не встретила сочувствия. Это была затея архиереев, и то не всех, преимущественно Феофана Прокоповича и Питирима нижегородского, который сам прежде был раскольником и, как всякий неопит, относился к фанатическою нетерпимостью к бывшим своим единоверцам. Белое духовенство не сочувствовало "духовной инквизиции", лишь немногие монахи, и, что замечательно, малорусского происхождения, учившиеся в Киеве и мало знакомые с великорусскими раскольниками, посвятили свое усердие инквизиционным действиям. Светские начальники еще менее сочувствовали делам инквизиционным и тем возбуждали жалобы усердных преследователей раскола. В одном только отношении инквизиция пришлась по сердцу приходским причтам и светским чиновникам: она доставила им возможность увеличить поборы.

В распоряжение духовной инквизиции назначена была особая команда вооруженных солдат; они употреблялись для отыскания раскольников по лесам и пустыням, для истребления

устроенных там их жилищ, для отыскания "потаенных раскольников", для отправки их на каторгу и для вырезывания ноздрей, для истребления у раскольников и нераскольников старопечатных и харатейных книг и т. п.

К счастью, инквизиция существовала у нас недолго. Она была уничтожена при Екатерине I, и в то время как счисление раскольников, так и сбор двойного с них оклада перешли из синода в ведение правительствующего сената. Для сего в Москве учреждена была "раскольническая контора" из светских лиц. Она вела именные списки раскольников; в нее поступил и двойной оклад, собираемый по провинциям местными властями. Так продолжалось до 1782 года, когда был отменен двойной оклад, а с ним и особое счисление раскольников.

Число раскольников в XVIII столетии не только не уменьшалось, но даже увеличивалось, несмотря на то, что они во множестве бегали или за границу, или в пустыни закамские и в Сибирь. Из сенатского указа 17-го сентября 1742 года видно, что в семнадцать лет, с 1719 по 1736 год, в России убыло 2.100.469 душ, из них умерло 1.558.000, взято в рекруты 202.000 и **бежало около 442.000**. Заявляя эти цифры, сенат прибавил: "уповательно и больше того оной убыли имеется".

[*"Полное Собрание Законов Российской империи"*, XI, N 8619.]

Из 442 тысяч беглых значительная часть была раскольников. Из указа 7-го февраля 1762 года видно, что из одной только Нижегородской губернии с 1716 года, то есть в сорок пять лет, семь восьмых раскольнического населения, то есть 35 тысяч, вследствие обид и притеснений со стороны духовенства, бежало преимущественно за литовский рубеж.

[Там же.]

Из различных правительственных распоряжений, бывших в прошлом столетии, видно, что раскольники далеко не все были записаны в книги двойного оклада. Кроме так называемых **записных**, было гораздо более так называемых **потаенных**, которые однако в духовных росписях значились принадлежащими к господствующей церкви. Кроме того, в XVIII столетии возникли, или, вернее сказать, распространились тайные учения хлыстов, скопцов, духоборцев, молокан и т. п. Последователи всех этих учений считались православными.

С 1782 года особое счисление раскольников прекратилось. Попытка возобновить его сделана была в 1810 году, тотчас по учреждении особого министерства полиции, в ведение которого поступили дела о расколе. Министр полиции, генерал Балашов, признал нужным (не знаем, по каким соображениям) привести в известность современное число раскольников и затем вести им ежегодный счет. Он доложил об этом государю, и 18-го августа 1811 г. Александр Павлович дал повеление: "всем начальникам губерний собрать сведения, сколько в которой находится старообрядцев, и ведомости о них доставлять ежегодно к 1-му января и 1-му июля министру полиции".

[*"Собрание постановлений по части раскола"*, стр. 37.]

Но предприятию министра полиции не суждено было осуществиться.

В Нижегородской губернии губернатором был тогда действительный статский советник А. М. Руновский, один из способнейших деятелей своего времени, вышедший из школы Безбородки и Троицкого, человек безукоризненный во всех отношениях. Получив циркуляр министра полиции, он поручил городским и земским полициям предварительно составить именные списки раскольников. В Горбатовском уезде открылось значительное число принадлежащих к так называемому Спасову согласию. Все последователи этого толка

[Их чрезвычайно много в поволжских губерниях от Нижегородской до Астраханской. Об них

не упоминали ни Андрей Иоаннов ни другие писатели о расколе до последнего времени.]

в исповедных приходских ведомостях числились и числятся православными на том основании, что они, сообразно своему толку, крестят детей и венчаются в церквях православных. Такие же раскольники оказались и по другим уездам Нижегородской губернии. Кроме того, в уездах заволжских: Семеновском и Балахнинском, нашлось много раскольников **не записных**, то есть таких, отцы и деды которых не платили двойного оклада и не значились в списках "раскольнической конторы". Полицейские чиновники, производившие именную перепись, включили в нее и этих людей. Узнав об этом, тайные раскольники сами во множестве стали являться в городские и земские полиции, прося записать их в раскол и представляя доказательства своей непринадлежности к господствующей церкви. Приходское духовенство встревожилось, ибо запиской в раскол всех наличных действительных раскольников оно во многих местах могло бы совершенно лишиться доходов. Хотя производившийся по синодскому указу 15-го мая 1722 г. гривенный сбор с раскольников в пользу духовенства

["Полное Собрание Законов Российской империи", VI, 4009. Там, между прочим, сказано: "с обретающихся в приходах раскольников брать приходским их священникам с причетниками со всякого раскольничьего двора по гривне с души в год, а сверх того от рождения гривна, от женитьбы гривна, от погребения гривна".]

еще в начале царствования Екатерины II был отменен, а приходскому духовенству запрещено было ходить в дома раскольников для вымогательства денег, но причты продолжали делать поборы. В самой даже Москве, обходя приходы со святою водой, священники выламывали у раскольников, не хотевших пускать их к себе, ворота, двери и окна, требуя денег и сведений о новорожденных, чтобы записать их в свои книги и таким образом зачислить их своими прихожанами. По местам отдаленным, по глухим захолустьям, это продолжалось до самого последнего времени, что доказывается множеством формальных дел, бывших в производстве. Перепись, производимая по циркуляру Балашова, должна была положить конец притязаниям приходского духовенства к "незаписным" раскольникам, и оно сильно возропало.

Вновь назначенный тогда на нижегородскую кафедру епископ Моисей вступился в дело пересмотра раскольников. Вследствие того у него с губернатором Руновским произошли пререкания. Синодальный указ 19-го июля 1777 года ясно говорит: "что касается до записки желающих в раскол, то следует ли их в оной записывать оставить на рассмотрение светской команды", следовательно епархиальному начальству и не следовало вмешиваться в неподлежащее его ведению дело. Но Моисей, человек пылкий и заносчивый, и в то же время слабо смотревший за духовенством, за что впоследствии и подвергся неприятностям, думал иначе. Он находил, что открытою запиской тайных раскольников в составленные списки наносится ущерб церкви, и говорил, "что чиновники для записи в раскол указывают раскольникам к тому способы и берут за то с них деньги". Дело дошло до Петербурга и было рассмотрено в комитете министров. В положении его сказано: "при собирании сведений о числе раскольников в Нижегородской губернии, чиновники, занимавшиеся этим делом, действовали не вполне осторожно и открывали некоторым образом способы записываться в раскол и таким, которые прежде были православными". Император Александр Павлович на журнале комитета 18-го июня 1812 года собственноручно написал: "и не следовало никогда гласной переписки делать; нужно только иметь под рукою сведение о них". На основании этой резолюции, циркуляром министерства полиции сообщено всем губернаторам, что "его величеству благоугодно было приказать, чтобы сведения о старообрядцах не иначе были собираемы, как под рукою и без всякой малейшей огласки, и чтобы ведомости о них по таковым собираемым сведениям присылаемы были к министру полиции единожды в год, к 1-му январю".

["Собрание постановлений по части раскола", стр. 40--41.]

Это распоряжение, совершенно противное принятой со времен императрицы Екатерины II системе и резко отличающееся от предшествовавших указов императора Александра, состоялось в самую трудную минуту. Император находился тогда в Вильне, при нем был и Балашов, не участвовавший в заседании комитета министров, когда обсуждалось дело о

пререканиях Руновского с Моисеем. На присланном из Петербурга журнале Александр Павлович написал выше приведенную резолюцию чрез шесть дней по вступлении Наполеона в пределы России, в то время, когда он уже приближался к Вильне. В такое время нельзя было предпринимать каких-либо решительных мер, надо было всячески заботиться о полнейшем внутреннем согласии.

Начавшаяся перепись раскольников была таким образом прекращена повсеместно. Она нигде не была кончена. В составленные для того книги внесены были одни только **записные** раскольники, то есть потомки плативших двойной оклад, да и то не все. В некоторых местах в эти книги были внесены только главы семейств, в других один только мужеский пол и т. п. Списки, составленные таким образом по распоряжению 1811 года, в некоторых местах остались без изменений даже до 1852 года. Таким образом во время исследований, произведенных статистическими экспедициями, о которых будет сказано ниже, в некоторых земских судах было обнаружено, что именные списки раскольников велись без всяких изменений с 1811 г., и в продолжение сорока лет умершие из них не исключались, новорожденные не приписывались, а ежегодно показываемое в ведомостях число раскольников означалось наобум, один год немножко побольше, другой немножко поменьше. Во многих уездах именных списков вовсе не велось, а ежегодно показываемая в отчетах цифра ставилась совершенно произвольно.

Число раскольников между тем умножалось. В начале двадцатых годов покойный московский митрополит Филарет уже указывал на быстро увеличивающееся в Москве число раскольников и на необходимость принять против усиления раскола решительные меры. Александр Арсеньев, бывший долгое время раскольниковым попом на Рогожском кладбище и потому хорошо знавший дела поповщинского раскола, впоследствии, когда уже был благочинным единоверческих церквей Черниговской губернии, официально заявил, что в исходе 1823 года в городе Москве последователей поповщинского раскола было до 35.000 человек, а в 1825 году 68.000.

[“Дело о Кочуеве” в архиве министерства внутренних дел.]

А по спискам значилось в 1826 году раскольников всех толков, духоборцев, субботников и скопцов, в Москве и во всей Московской губернии 53.835.

[Варадинова “История министерства внутренних дел”, VIII, 163.]

Раскольники Рогожского кладбища еще в двадцатых годах и ранее в просьбах, подаваемых в разные учреждения, постоянно упоминали, что число их единоверцев во всей России превышает цифру пяти миллионов. Эта цифра никогда никем не оспаривалась, никогда никем не опровергалась, она показывалась даже в конфиденциальных бумагах как гражданского, так и духовного ведомства. А между тем, по официальным донесениям губернаторов, раскольников всех толков считали во всей России лишь около восьмисот тысяч.

Министерство полиции было упразднено в 1820 году, дела о раскольниках перешли в особенную канцелярию министерства внутренних дел. Но и с переходом в новое министерство счисление раскольников не улучшилось: губернаторы в представляемых ведомостях показывали только **записных** раскольников, притом по иным губерниям только лиц мужеского пола, а по другим без причисления новорожденных. Из многих губерний ведомостей вовсе не доставлялось.

II.

Вскоре по воцарении императора Николая Павловича, министерство внутренних дел 26-го

февраля 1826 года, по высочайшему повелению, предписало губернаторам: доставлять ежегодно ведомости о числе раскольников к Новому году. Это не было новым распоряжением, а только подтверждением состоявшегося в 1811 году, но нигде почти не исполненного. В том же 1826 году из особенной канцелярии министра внутренних дел было образовано третье отделение собственной его величества канцелярии. Губернаторам было предписано ведомости о раскольниках представлять по истечении каждого года в новое учреждение, а копии с них в министерство внутренних дел. Так продолжается и до сих пор (1868).

В ведомостях, на этом основании доставляемых губернаторами, показано раскольников:

В 1826 году 827.721

" 1827 " 825.391

" 1837 " 1.003.816

" 1839 " 889.926

" 1841 " 911.671

" 1849 " 821.215

" 1850 " 829.971

" 1859 " 875.382

" 1864 " 917.097

Сюда, как уже замечено, включены только **записные** раскольники, то есть потомки плативших в XVIII столетия двойной оклад. Да и те не все; мы уже сказали, что в иных уездах цифры не изменялись **по сорока лет**, и, несмотря на естественное приращение населения вследствие перевеса количества рождений над числом умерших, число раскольников показывалось или одно и то же через целые десятки лет, или с каждым годом понемножку убавлялось исправниками, чтобы показать пред начальством "благополучие уезда и усердие свое" к ослаблению раскола.

Порядок составления по уездам и губерниям ведомостей о раскольниках следующий. В каждом городском или уездном полицейском управлении ведется именной список раскольников, но в этих списках записываются далеко не все раскольники, особенно где их много. Ежегодно составляемая числовая ведомость должна бы основываться на этих именных списках, но этого не делается: полицейские управления обыкновенно придерживаются цифры предыдущих годов, убавляя ее понемножку.

Иные исправники, особенно из молодых и вновь поступавших на службу, пробовали представлять цифру раскольников, ближе подходящую к действительности, согласуя ее или с сведениями духовенства (по ведомостям духовного ведомства раскольников почти повсеместно показывается больше, чем в полицейских управлениях), или с особенными наблюдениями. Цифра в таком случае оказывалась гораздо большею показанной за предыдущие годы. При получении такой ведомости в губернском управлении обыкновенно возникал вопрос, отчего в таком-то уезде число раскольников быстро увеличилось. От исправника требовались объяснения: почему раскол усилился, кто виновен в совращении столь значительного числа вновь оказавшихся раскольников, какие были приняты полицией меры к предупреждению и пресечению раскольничьей пропаганды, почему не было своевременно донесено о столь сильном увеличении раскола и т. п. Возникла неприятная для исправника переписка, оканчивавшаяся обыкновенно делаемым ему замечанием за неосновательность донесений или за недостаток усердия к пресечению развития раскола. Раз испытав такие последствия согласования ни на чем неоснованной цифры с действительностью, исправник уж, конечно, никогда не повторял неудачного опыта, не подражали ему и преемники его, из старых дел знавшие, каково выказывать непрошенное усердие к точности статистической цифры. Так и оставались все при старой цифре, ежегодно уменьшая ее понемножку. Но у каждого дельного исправника прежде бывала и теперь есть своя, приблизительно верная, цифра раскольничьего населения уезда, с которою соображаются иногда и губернаторы, но она держится как бы в секрете и обыкновенно называется **неофициальной цифрой**.

В свою очередь бывали случаи, что иной губернатор представлял по целой губернии число раскольников более согласное с действительностью; результаты оказывались те же или почти те же. Начинались запросы, отчего да почему раскольники умножились в такой-то губернии, требовались объяснения, завязывалась переписка, и затем все приходило в прежнюю колею.

Из самых ведомостей о числе раскольников, при тщательном их счислении, ясно можно видеть, до какой степени шатки заключающиеся в них сведения.

В последние сорок лет (как видно из производившихся дел, из донесений губернаторов, из представлений епархиальных начальств, из специальных исследований о расколе, производившихся на местах пятнадцать лет тому назад) раскол усиливался преимущественно в губерниях великороссийских, особенно же в приволжских и восточных, а менее всего распространялся в Западном крае и в прибалтийских губерниях, что объясняется значительным числом живущих там иноверцев: римско-католиков, лютеран, евреев, а также и православных, воссоединенных из унии в 1839 г., из числа коих доселе совратившихся в раскол не было. Но официальные цифры говорят совершенно противное. Из сличения цифр 1826--1864 годов выходит, что раскольников во внутренних и восточных губерниях стало значительно меньше. Так, в губернии Калужской их будто бы уменьшилось на 9%, во Владимирской на 13%, Тамбовской на 15%, Тульской на 28%, Тверской на 29%, Олонекской на 34%, Оренбургской, Саратовской и Симбирской взятых вместе на 34%, Орловской, Псковской и Пермской в каждой на 37%, Ярославской на 44%, Петербургской на 45%, Костромской на 50%, Новгородской на 52%, Харьковской на 58%, & в Полтавской даже на 91%.

Зато в губерниях, где раскол в действительности не усиливался, и если число раскольников увеличивалось, то лишь вследствие естественного приращения населения, там, где раскол даже ослабевал в последние сорок лет (например, в Земле Войска Донского и в Могилевской губернии, по уничтожении в последней старообрядских монастырей Гомельского уезда), там, по указанию официальных цифр, с 1826 по 1864 год он усилился в два и даже в два с половиной раза. Так, в Курляндии он показан усилившимся на 157%, в Могилевской губернии на 148%, в Волынской на 145%, в Бессарабии на 121%, в Киевской губернии на 80%, в Подольской на 80%, в Земле Войска Донского на 67%, в Екатеринославской губернии на 59%, в губерниях Виленской, Гродненской и Минской, взятых вместе, на 53%, в Херсонской на 47%, в Лифляндской на 30% и в Витебской на 25%.

Цифры духовного ведомства по некоторым епархиям несколько выше цифр, представленных губернаторами, по другим ниже. Вопрос, отчего из одной губернии доходили разные вести, разрешается очень просто: как губернаторы, так и архиереи представляли своим начальствам цифру фактическую, основание для которой заключалось единственно в показаниях за предшествовавшие годы. Каждый оставался спокоен: беспокойных запросов, неприятной переписки не было. Не ими так началось, не ими и кончилось. Замечательно однако, что и цифры, доставляемые в святейший синод епархиальными архиереями, представляют то же самое, что и представляемые в министерство внутренних дел губернаторами: где раскольников в 1826--1864 годах стало в действительности больше, там показывалось, что число их уменьшилось, и наоборот.

Как цифры губернаторских отчетов основываются на цифрах, представляемых полицейскими управлениями, так и епархиальные донесения о числе раскольников основываются на ежегодно представляемых приходскими причтами ведомостях. Казалось бы, епархиальная цифра должна быть вернее губернаторской, даже безусловно верна. Кому же вернее знать свой приход, кому всего удобнее иметь на счету всех уклоняющихся от церкви, как не приходскому священнику? Но на деле выходит не то. И приходские причты, составляя ведомости о раскольниках, не основываются на действительности, но, подобно исправникам, придерживаются цифр прошлого года. Если бы какой-нибудь священник и вздумал представить к консисторию действительную цифру раскольников, ему угрожали бы еще более чувствительные неприятности, чем исправнику. Бюрократизм и формалистика в духовном ведомстве развиты едва ли еще не больше, чем в гражданском. Приходский священник, решась представить начальству действительную, известную ему цифру раскольников, должен бы был, вместо прошлогодних десятков, показать сотни. От того произошли бы неизбежные запросы, переписка и даже гораздо хуже. Увеличение цифры может подать начальству мысль о неспособности священника. Что же он за пастырь, если из стада его вдруг целые сотни уклонились в раскол? Верно показавший число раскольников в своем приходе может таким образом подвергнуться строгому взысканию, даже лишиться места.

Сверх того, причты тех приходов, где много раскольников, имеют, к сожалению, еще особые причины скрывать настоящее число их. Раскольник *записной* для причта человек потерянный, с него он не получит ни копейки. Напротив, *незаписной* составляет важную статью в домашнем бюджете церковнослужителей. Незаписной в книгах раскольник

считается православным, но отмечается не бывающим у исповеди и св. причастия или по **наклонности к расколу**, чаще **по наречению** или **по опущению**, а иногда даже отмечается **бытчиком** (непрерывно один раз в десять лет). Такой раскольник, сроду не бывавший и на церковной паперти, но зачисленный по церковным ведомостям православным, несравненно выгоднее для причта, чем самый усердный прихожанин. За то, чтоб у него не исправлять треб, он платит гораздо дороже, чем усердный к церкви прихожанин за исправление их. Притом доход с "незаписного" вернее и обеспеченнее; чуть воспротивился он платить положенную дань, на него готов донос: отца похоронил в лесу, сына крестил неизвестно где, дочь венчалась не при церкви и т. п. Так бывало в прежнее время, а по местам и до сих пор (1868) делается. Начнется, бывало, следствие, и хотя дело ничем не кончится, ибо в "Уложении о наказаниях" за подобные проступки наказания не полагается, однако же несговорчивому даннику нахождение под следствием всегда обходилось гораздо дороже той суммы, которую он поупрямился заплатить своевременно. Дело затягивалось на несколько лет; а находящемуся под следствием не выдавали паспортов, и если он человек торговый, то много терял от невольного домоседства.

Бывавшие под судом раскольники за действия по расколу известны во многих местах под именем **решеных**. Вот откуда произошло такое странное название: до 1853 года каждое дело о раскольниках, но рассмотрении в уездных судах и в уголовных палатах, представлялось, чрез министерство внутренних дел, на обсуждение комитета министров. По закону наказание полагается только совратителям, совращенные же, **по решениям** комитета министров, обыкновенно подвергались духовному увещанию, и если оставались после того в расколе, то обязывались подпиской никого в раскол не совращать. Во время существования такого порядка много десятков тысяч перебивало в консисториях на увещаниях, но не было, кажется, ни одного примера, чтоб увещания эти подействовали на увещаемого, чтобы хоть один раскольник согласился остаться при церкви, а не идти в число **решеных**. Да и то надо сказать, что все эти троекратные увещания на практике были не что иное, как троекратная плата известной суммы денег. Казалось бы, такой **решеный** не должен уже был затем считаться по церковным росписям православным, должен бы быть причислен к записным раскольникам. Этого никогда не бывало. Решеный никогда не вносился в списки раскольников, тем менее семья его; напротив, если у решеного родился после увещаний и данной им подписки ребенок, и он, как водится, окрестил его по своему обряду, на него поступал новый донос **о совращении в раскол своего сына**, то есть новорожденного-то. Начиналось новое дело, в конце которого были новые троекратные увещания.

Принадлежащие к сектам хлыстовским (хлысты, монтаны, ляды, лазаревщина, скопцы, шелапуты и пр.) и мистическим (сионская церковь, десные христиане и пр.) почти никогда не показываются в числе отщепенцев от господствующей церкви. Принадлежащие, например, к хлыстам, по самым правилам своей секты, должны исправлять все требы в православной церкви и действительно исправляют их с виду усерднее самого усердного православного и потому считаются принадлежащими к церкви, между тем как в то же время имеют своих живых богов, своих христов, богородиц, пророков и т. п.

Несообразность числа раскольников, официально показываемого, с действительной цифрой давно обращала на себя внимание. Так, например, было обращено внимание на Пермскую губернию: в 1826 году показывалось в ней 112.000 раскольников; в тридцатых годах, при бывшем там архиепископе Аркадии, обращено из них в православие сто тысяч, но в 1841 году, по официальным показаниям, их оставалось еще 108 тысяч. В сороковых годах в Пермской епархии обращено было из раскола еще до 100.000 человек, а в 1850 году все-таки показывалось 72.899; в пятидесятых годах обращено еще до сотни тысяч, а в 1864 году показывалось еще 70 тысяч.

Несообразность официальной цифры с действительной самым поразительным образом оказалась в 1850 году. В ноябре этого года исполнилось двадцатипятилетие царствования императора Николая Павловича. Все министры и главноуправляющие отдельными частями, кроме годовых отчетов по своему управлению, представили государю отчеты за 25 лет. При отчете министерства внутренних дел бывший тогда министром граф Л. А. Перовский представил особую записку о расколе. Оказалось, что к началу царствования Николая Павловича раскольников в России было 827 тысяч, в двадцать пять лет обратилось к православию и к единоверию более миллиона, и все-таки к 1851 году осталось их 750 тысяч. Граф Перовский, решительно отрицая приблизительную даже верность последней цифры, заметил, что действительное число раскольников несравненно более показываемого официально, "**конечно, их до девяти миллионов**", -- заметил он. Незадолго перед тем (в конце сороковых годов) произведены были исследования о расколе в Московской губернии состоявшим при министерстве внутренних дел действительным статским советником Липранди. Он доносил графу Перовскому, что в той губернии раскольников не 73.485, как значится в официальных ведомостях, а 186.000.

["Статистические таблицы Российской империи, издаваемые по распоряжению министра внутренних дел центральным статистическим комитетом". Спб., 1863, стр. 235.]

Общее же число раскольников по всему государству г. Липранди, основываясь на счете самих московских раскольников, полагал в девять миллионов.

["Записка г. Липранди, напечатанная во 2 томе "Сборника правительственных распоряжений о расколе", г. Кельсиева, стр. 104 и 146.]

На этом основании и говорит в своей записке граф Перовский.

Прочитав "Записку о расколе в 1825 -- 1850 годах", император Николай Павлович приказал графу Перовскому придумать средства, каким бы образом, не возбуждая народных толков о записи в раскольники, негласно и самым осторожным образом собрать возможно верные сведения о числе раскольников, хоть в некоторых губерниях. В августовской книжке "Православного Собеседника" за 1867 год помещена статья "О численности раскольников"; в ней г. Ивановский рассказывает, каким образом производились эти исследования. Но эта статья, будучи основана лишь на тех немногих официальных записках, которые напечатаны г. Кельсиевым в изданном им в Лондоне "Сборнике правительственных распоряжений о раскольниках", неполна и не совсем верна.

Г. Ивановский введение в наше общество мнения о десятиmillionной численности раскольников приписывает г. Липранди и пишущему эти строки. Слишком много чести! Мнение это основано не на моих исследованиях и не на исследованиях г. Липранди, а на сведениях, собранных в разных местах государства, с одной стороны, генерал-губернаторами, губернаторами, чиновниками министерства внутренних дел, статистическими экспедициями, а с другой епархиальными, вследствие указа святейшего синода, последовавшего в июне 1853 года.

Вот как было дело, насколько мне оно известно. Во время министерства графа Перовского дела по расколу, как и теперь, заведывались департаментом общих дел министерства. Но в этом департаменте производились тогда только дела, так сказать, обиходные: переписка с губернскими начальствами о раскольниках, рассмотрение следственных дел о проступках раскольников, составление по этим делам записок для внесения в комитет министров, принятие мер против раскола сообразно местным условиям и т. п. Дела же большей важности, как, например, о только что возникшей в то время Белокриницкой митрополии, по исследованиям скопческой секты и хлыстов, по собранию сведений для истории раскола и самое составление ее, словом, все работы, требовавшие не только знания канцелярского порядка, но и научной подготовки -- поручены были известному ученому, бывшему пред тем профессором Московского университета и редактором журнала "Телескоп", покойному Н. И. Надеждину.

[Под его руководством в сороковых годах работали: действительный статский советник Липранди и несколько молодых людей, в числе которых находились недавно бывший московским губернатором граф А. К. Сиверс, нынешний (1868) одесский градоначальник М. Н. Шидловский и др. Принимали в этих работах участие В. И. Даль, заведывавший тогда особою канцелярией графа Перовского, и товарищ министра, покойный И. Г. Сенявин. Дела, порученные Надеждину, производились помимо департамента.]

Надеждин был редактором и "Записки о расколе", представленной императору Николаю Павловичу во время совершившегося двадцатипятилетия его царствования. Получив повеление привести в возможную ясность число раскольников, граф Перовский и это дело возложил на Надеждина, поручив ему придумать средства к исполнению государевой воли и выбрать способных на то людей как из министерских чиновников, так и из лиц посторонних. В это время я, по поручению графа Перовского, ревизовал полицию, думы и другие городские учреждения в Нижегородской губернии и, не кончив еще ревизии, в марте 1852 года приехал

в Петербург для личных объяснений с министром. Во время этих объяснений граф Перовский стал расспрашивать меня о нижегородских раскольниках и после довольно продолжительного разговора сказал, что он намерен дать мне поручение по делам раскола, и приказал объясниться с Надеждиным. От Надеждина узнал я об упомянутой "Записке" и о повелении государя, в исполнении которого я должен был принять участие. Кроме меня к этому был призван председатель петербургской уголовной палаты И. С. Синецын. Начались совещания, как исполнить волю государя, как узнать приблизительно верное число раскольников в двух на первый раз губерниях, не подавая никому ни малейшего повода к заключениям, что производится счет их. В этих совещаниях, по назначению министра, принял участие еще один из министерских чиновников, ныне (1868) статс-секретарь Н. А. Милютин, бывший тогда вице-директором хозяйственного департамента и заведывавший делами "временного статистического комитета". По его мысли образованы были две "статистические экспедиции", одна в губернию Нижегородскую, другая в Ярославскую. Начальствующим первой граф Перовский назначил меня, а начальствующим второй -- покойного Синецына. Статистические экспедиции составлены были из членов, назначенных из министерских чиновников и из прикомандированных к ним, по соглашению начальствующих с местными губернаторами, самых способных и лучших чиновников губернского управления. Члены были избираемы гг. Надеждиным и Милютиным. Ими же была одобрена составленная мною инструкция статистическим экспедициям; она утверждена графом Перовским и напечатана в том же 1852 году в "Сборнике циркуляров по министерству внутренних дел". Назначены были на обе экспедиции особые денежные средства (до 15 тысяч) из министерства и, кроме того, из губернских сумм по соглашению начальствующих экспедициями с губернаторами.

[В ярославской экспедиции под начальством Синецына находились: тайный советник граф Северс (бывший московский губернатор), действительные статские советники: А. И. Артемьев (старший редактор центрального статистического комитета), Насилов (председатель петербургского физиката) и Г. Г. Григорьев (владимирский вице-губернатор), статский советник граф Гуттен-Чапский (бывший петербургский вице-губернатор) и магистр богословия Пискарев. В нижегородской экспедиции находились: статские советники: Е. К. Огородников (старший редактор центрального статистического комитета) и Н. И. Зайцевский (секретарь того же комитета), камер-юнкер П. А. Галахов и А. Н. Аксаков. В числе губернских чиновников при мне находился К. В. Трубников, позднее редактор "Биржевых Ведомостей". В Костромскую губернию были посланы действительный статский советник Брянчанинов (бывший ставропольский губернатор) и статский советник Л. И. Арнольди (бывший калужский вице-губернатор).]

Вскоре после того, как статистические экспедиции отправились в Нижегородскую и Ярославскую губернии, граф Перовский признал нужным произвести исчисление раскольников еще в одной губернии, лежащей между двумя названными, в Костромской. Но, не образуя для того целой экспедиции, он послал туда гг. Брянчанинова и Арнольди, на которых не лежало обязанности собирать общие статистические сведения, и они исключительно занимались сбором сведений о раскольниках.

Вот результаты счисления раскольников, произведенного в 1852 году в Нижегородской, Костромской и Ярославской губерниях:

В Нижегородской, по официальному показанию губернатора, было 20.246 раскольников обоего пола. По исследованиям статистической экспедиции их оказалось 172.500.

В Костромской официально показывалось 19.870 раскольников. Брянчанинов и Арнольди насчитали 105.572.

В Ярославской официально показывалось 7.454 раскольника, по исследованию статистической экспедиции оказалось 278.417.

Таким образом оказалось в Костромской губернии раскольников в пять раз более, в Нижегородской в восемь с половиной раз, а в Ярославской **в тридцать семь раз**.

Исследования по трем губерниям представили следующий результат: вместо 47.570 раскольников официально показываемых, оказалось их 556.389, то есть около двух третей официальной цифры, относящейся ко всей империи. Оказалось, что официальная цифра по трем губерниям, взятым вместе, уменьшена **в одиннадцать раз**. На этом-то основании и стали считать действительную цифру раскольников приблизительно от 9 до 10 миллионов. Общее число раскольников по всей России официально за 1852 год показано было в 910 тысяч.

Помножив его на одиннадцать, получим 10 миллионов. Вот каким образом произошла десятиmillionная цифра раскольников. Впрочем, девятиmillionную цифру в правительственных сферах предполагали и прежде этого времени.

Статистические экспедиции продолжались до 1855 г., но с начала 1853 года расколом они уже не занимались. До 1855 года я и г. Сеницын, оставаясь начальствующими экспедиции, одни, без участия членов, занимались более подробными исследованиями о состоянии раскола, я по Нижегородской, он по Ярославской и Костромской губерниям. Это происходило уже в министерство Д. Г. Бибикова.

III.

Еще счисление раскольников статистическими экспедициями не было кончено, как граф Перовский получил в августе 1852 года другое назначение, а министром внутренних дел государь повелел быть генерал-адъютанту Д. Г. Бибикову. Вскоре по представлении результатов счисления раскольников, произведенного в трех лишь губерниях и подтвердившего мнение, что раскольников в России находится до девяти миллионов, он 18-го февраля 1853 года вошел об этом со всеподданнейшим докладом, и государь, для обсуждения в подробностях дела о современном состоянии раскола, повелел новому министру составить особый комитет,

[Он состоял из графа Блудова, обер-прокурора св. синода графа Протасова и министра внутренних дел Бибикова. См. "Собрание постановлений по части раскола". Спб., 1858, стр. 586. В этом комитете сверх того принял участие и покойный архиепископ херсонский Иннокентий, находившийся тогда в Петербурге для присутствия в святейшем синоде.]

"которому заняться во всей подробности пересмотром изготовленного уже свода действующих постановлений о раскольниках и составить основной проект правил, которые служили бы на будущее время руководством при всех административных распоряжениях и в судебных делах до раскольников относящихся".

["Собрание постановлений по части раскола". Спб. 1858, стр. 587.]

Во втором заседании этого комитета 23-го мая 1853 года, между прочим, постановлено: "1) поручить епархиальным преосвященным собрать осторожнейшим образом, негласно, посредством доверенных духовных лиц, и доставить святейшему синоду достоверные, сколько можно, сведения о нынешнем числе раскольников и о состоянии раскола в их епархиях с означением, в каких наиболее местах проживают раскольники, кто их наставники и коноводы, и какими они располагают средствами, чем особенно держится раскол и чем бы с большею благонадежностью мог быть потрясен до основания, и кто из местных духовных лиц способнее быть употребляем против сектаторов; 2) в видах усиления противораскольничьих духовных миссий образовать при духовных академиях из наличных студентов и из священнослужителей, кои изъявят на то желание, по небольшому отделению для особого приготовления их на дело с раскольниками, как в виде прямых миссионеров, так и в виде священников при церквях единоверческих и православных, где есть раскольники; 3) приступить к новому изданию книг, в прежнее время изданных в обличение раскола; составить и издать обстоятельную историю раскола в России и возможно полное обличение пороков самых главных сект его: поповщины и беспоповщины в нынешнем их положении, поручив составление таковых книг, под руководством преосвященного Филарета, митрополита московского, известным и опытнейшим в духовном просвещении лицам; 4) поручить казанской духовной академии, как еще незанятой никаким повременным изданием, издавать духовный журнал, с преимущественным направлением его против раскола в разных его видах".

В том же заседании комитета состоялось постановление о приведении в известность современного положения раскола и посредством гражданских лиц, одновременно с исследованиями епархиальных начальств, "дабы, -- как сказано было в журнале комитета, -- поверкой одних сведений другими можно было достигнуть до удовлетворительной в некоторой степени полноты и разносторонности в обнаружении раскола".

["Собрание постановлений по части раскола по ведомству святейшего синода", II, 526-529. "Собрание постановлений по части раскола". Спб., 1858, стр. 592.]

Это предположение было высочайше утверждено 10 июня 1853 года.

Одновременно с тем постановлено и государем утверждено: все дела о раскольниках обратить к общему ходу, то есть из уголовных палат не представлять их более чрез министерство внутренних дел в комитет министров, а вершить на законном основании в самих палатах или в сенате, смотря по сущности дела. Тогда же утверждено при министерстве внутренних дел **особенное временное управление** из самого малого числа чиновников для производства важнейших дел о раскольниках. Дела о расколе из департамента общих дел были переданы в особенную канцелярию министра, ими стал заведывать сенатор А. И. Войцехович. Из занимавшихся расколом при графе Перовском остались при тех же занятиях, то есть при местных исследованиях статистики, догматики и истории раскола, только четверо: граф Стенбок, А. И. Артемьев, И. С. Сеницын и я. Надеждин сделался тяжело болен и через два года скончался, Н. А. Милютин, поступив на должность директора хозяйственного департамента, также прекратил всякое участие в делах по расколу.

Данная по этому случаю инструкция напечатана в "Православном Собеседнике", но не совсем точно, не вполне.

[Редакция "Православного Собеседника" заимствовала ее из лондонского "Сборника" г. Кельсиева (т. IV, стр. 55 и далее).]

Вот она: "1) Сколько в N. губернии раскольников. Так как они не вписываются в церковные метрические книги, ревизские же сказки поверяются большею частью сими токмо книгами, то нужно обратить особенное внимание на то, нет ли между раскольниками людей не внесенных в ревизские сказки, сколько их и кто они именно.

[Исследования производились одновременно с поверкой на местах только что произведенной тогда девятой народной переписи.]

2) В каких местах раскольники проживают и по сколько именно в городе, селе, выселке и т. п. Все пункты населения их должны быть отмечены на географической карте губернии с показанием взаимного их расстояния и географического отношения к судоходным рекам и к другим путям торговых и прочих сообщений. 3) К каким условиям принадлежат раскольники N. губернии, сколько их в купечестве, мещанстве и крестьянстве разных ведомств и наименований, и каких именно. 4) Сколько из раскольников N. губернии постоянно проживает на месте и сколько находится в отлучке, на какое самое продолжительное время, по каким надобностям, известно ли, где они находятся, снабжены ли они законными видами, и состоят ли они с своими земляками в сношениях. Не приходят ли в N. губернию раскольники из других мест, каких именно и по каким делам. 5) Нет ли в N. губернии скитов и других раскольнических сборищ, и если есть, то где они находятся, когда составились, в каком числе людей, и кто эти люди. 6) Нет ли в N. губернии последователей секты странников или бегунов, и если есть, то дознать, кто эти люди и где они укрываются. 7) В каком нравственном состоянии находятся раскольники по образу жизни, по занятиям и по понятиям, и во всех сих отношениях, в чем именно сходствуют с прочими жителями губернии и чем отличаются, распространяется ли между ними грамотность, у каких людей учились, у кого теперь дети их учатся, какого рода книги и рукописи читают, откуда получают их, и т. п. 8) На какие секты разделяются теперь раскольники N. губернии, лжеучение сект сих остается ли таким же,

каким было прежде; если с течением времени изменилось новыми толками, какими именно, и не образовались ли между ними новые секты и какие, -- в каком направлении и положении находится каждое из лжеучений и в каком они взаимном отношении. Вообще нужно дознать о духе и направлении раскольников N. губернии, какие между ними ходят толки, в чем состоят их надежды, с какими раскольническими обществами других губерний состоят они в сношениях, откуда получают наставников, какое производят действие на прочих жителей, чем более держится тамошний раскол, и нет ли в нем каких-либо слабых сторон, обнаружением коих можно бы было воспользоваться. 9) Всего важнее дознать тщательнейшим и достоверным образом личный состав раскольнических обществ и нравственное положение главных членов в каждом из них, дабы обнаружить самый скелет раскола, то есть, во-первых, остающихся в нем по неведению и недостатку церковного вразумления, а может статься, в иных местах и по недостатку самых храмов; во-вторых, руководителей раскола по фанатизму; в-третьих, коноводов, действующих не по убеждению, а из личных выгод корысти, честолюбия и т. п. О последних нужно собрать подробнейшие сведения относительно их характера, средств, связей, отношений, и составить особенные им списки, с означением соображений о каждом, каким образом следовало бы поступить с ним, чтобы сделать его безвредным, и нет ли между ними даже таких людей, которых можно было бы вразумить и обратить в пользу и вразумление нынешних последователей их".

Вот в чем состояли те исследования раскола, о которых составилось у нас в обществе превратное понятие и о которых усердными корреспондентами Герцена говорилось в заграничной печати, как о чем-то подобном испанской инквизиции. Вот в чем состояли возглашенные этою печатью "Бибиковские гонения раскольников". Всякий может видеть, было ли тут что-нибудь похожее на гонения, Результатом произведенных исследований было приведение в ясность состояния раскола, дотоле весьма мало известного правительству.

По мере поступления отчетов о современном состоянии раскола, представленных губернаторами и специальными чиновниками министерства, они отправляемы были в святейший синод, где производилось сличение их с отчетами епархиальных архиереев, и вследствие того делались по духовному ведомству надлежащие распоряжения. Первый отчет представлен был из Нижегородской губернии. Он заключался в тринадцать томах с приложениями. Сличение его с отчетом нижегородского преосвященного Иеремии и критический разбор обоих производил преосвященный Григорий, архиепископ казанский, впоследствии митрополит петербургский. Оказалось, что нижегородский преосвященный нашел в своей епархии раскольников еще более, чем чиновник министерства. Официальная цифра была 20.246, министерский чиновник определил ее в 172.500, а преосвященный Иеремия в 283.323.

["Собрание постановлений по части раскола по ведомству святейшего синода", II, 673.]

Затем поступил отчет от псковского губернатора и олонецким архиепископом Аркадием сличен с отчетом о состоянии раскола в Псковской епархии, представленным преосвященным Платоном. Третий, рассмотренный таким образом отчет был симбирский, начатый чиновниками министерства и конченный губернатором. Сличение его с отчетом симбирского преосвященного и критический разбор произведены были по поручению святейшего синода архимандритом Софонию. Таким образом сличались и прочие отчеты начальников губерний и министерских чиновников с отчетами епархиальных архиереев, сличались для того, чтобы "поверкой одних сведений другими достигнуть до удовлетворительной, в некоторой степени, полноты и разносторонности в обнаружении раскола".

Во всех отчетах, составленных начальниками губерний и министерскими чиновниками, число раскольников показано гораздо больше, чем в официальных ежегодных отчетах. По многим губерниям оно показано в семь, в восемь, в десять раз более, а по Ярославской даже в тридцать семь раз.

В отчетах епархиальных архиереев то же самое. Преосвященный Иеремия нижегородский показал, например, действительное число в одиннадцать раз более официального, увеличив таким образом число, насчитанное министерским чиновником, на целую треть его.

При сличении отчетов в святейшем синоде и при критической их оценке, ни по одному не выражено ни малейшего сомнения в неверном увеличении цифры.

В губерниях, где исследования производились министерскими чиновниками, оказалось:

Число расколь- Число всех
ников записных. раскольников.

В Московской 3.485 186.000
" Нижегородской 20.246 172.500
" Новгородской 8.436 68.131
" Саратовской 25.750 125.000
" Костромской 19.870 105.572
" Казанской 8.267 72.000 *)
" Ярославской 7.454 278.417
" Симбирской 7.500 85.000
Всего 171.008 1.092.620 **)

[*) Исследования по Казанской губернии мною не кончены; пробыв в Казани не более месяца (в феврале и марте 1855 года), я отправился в Петербург для личных объяснений с министром. В это время исследование по расколу прекратилось, и я не возвращался в Казанскую губернию. Я успел собрать сведения только о расколе в самой Казани. Цифра, представленная мною здесь, сообщена мне пред отправлением в Казань находившимся тогда в Петербурге казанским архиепископом Григорием (впоследствии митрополит петербургский). Преосвященный, сообщая мне разные сведения о расколе в его епархии, замечал, что раскольников в ней должно быть более ста тысяч.]

[**) По Петербургской губернии исследования не были кончены.]

А принимая поправку нижегородского преосвященного Иеремии, нашедшего цифру 172.500 неточную и определившего число их 233.323, получим общее число действительных раскольников в восьми губерниях 1.153.443. Стало быть, их оказалось в семь раз более, чем показывалось официально.

Теперь представим некоторые цифры по исследованиям, произведенным генерал-губернаторами.

Число расколь- Число всех
ников записных. раскольников.

В Олонецкой..... 3.850 18.197
" Оренбургской.. 18.500 145.000
" Самарской..... 28.750 85.194

Исчислений по другим губерниям, к сожалению, у меня нет в настоящее время под руками. Но общий вывод из них был тот, что раскольников в десять раз более, чем показывалось.

При производстве исследований на местах по духовному ведомству преосвященным, ни по гражданскому губернаторам и специальным чиновникам, не было дано одинаковой программы

действий, и потому каждый действовал по своему усмотрению. Конечно, это большой недостаток, но он был неизбежен. В мае 1852 г., когда, пред отправлением из Петербурга статистических экспедиций, я и покойный Сеницын, как начальствующие экспедициями, откланивались графу Перовскому, министр, на вопрос -- какие употреблять приемы при собрании сведений о числе раскольников, сказал: "Подробных инструкций дать вам нельзя; все зависит от местных условий, здесь нам неизвестных; предоставляю все вашей находчивости и умению воспользоваться местными обстоятельствами. Вы посылаетесь на первый раз в виде опыта; самые ошибки ваши в этом новом деле будут полезны впоследствии при производстве таких же работ по другим губерниям. Поэтому ведите подробные дневники о своих действиях и посылайте их к Надеждину". В 1853 году также не дано было однообразной программы.

Так как исследователи действовали каждый по-своему, то, конечно, один насчитал раскольников больше, другой меньше. Так, например, Сеницын, в Ярославской губернии, признаками раскола считал домашнее употребление лестоков, подручников, ручных кадилъниц и т. п.

[Его исследование напечатано во II томе "Сборника правительственных распоряжений о раскольниках" Кельсиева.]

Если б этот признак был принят в основание по Нижегородской губернии, то мне пришлось бы все население Заволжья отнести к числу раскольников поголовно. Но один и тот же признак имеет смысл в одной губернии и не имеет его в другой. В губерниях южных, например, двуперстное сложение есть верный признак раскола, а в Нижегородской и Костромской около одной третьей доли православных крестится двуперстно.

Отнюдь не выдавая свою систему действий за непогрешимую, представлю однако здесь, каким образом я считал раскольников в Нижегородской губернии. Я и члены экспедиции объехали все приходы и сделали выписки из исповедных записей, сколько не бывает в продолжение нескольких лет у исповеди и у св. причастия: а) по наклонности к расколу, б) по нерадению, в) по опущению, г) по малолетству. От многих священников я слышал, что записываемые небытчиками по опущению и нерадению в действительности раскольники. Это подтверждалось сделанным в 1847 году общим по епархии распоряжением архиепископа Иакова: "не считать раскольниками не бывающих по несколько лет у исповеди и у св. причастия, если им не сделано узаконенного увещания и они епархиальным начальством не исключены из числа православных прихожан". Тогдашний преосвященный Иеремия, принимавший близкое участие в этом деле, говорил мне, что всех этих небытчиков следует считать раскольниками.

Затем собираемы были сведения от местных властей, которым неофициально известна приблизительно верная цифра раскольников, от помещиков и их управляющих, наконец от некоторых из влиятельных в своей среде раскольников. Определив таким образом цифру незаписных раскольников и определив, сколько процентов общего числа православных они составляют, оставалось взять столько же процентов из числа не бывающих у исповеди и у причастия за малолетством и приложить ее к числу незаписных. Эта цифра, вместе с цифрой записных, и составила 172.500 человек.

Что получаемая посредством такого приема цифра не может считаться преувеличенною, доказательством тому служит то, что преосвященный Иеремия, имевший, разумеется, несравненно более средств для дознания приблизительно верной цифры, чем я, насчитал раскольников на целую треть больше добытой мною цифры.

Применим теперь этот способ исчисления раскольников по всему государству, взяв за основание отчет обер-прокурора святейшего синода за 1859 год.

В 1859 году всех православных по церковным росписям значилось 51.474.209 обоого пола. Из того числа не бывших у исповеди и св. причастия:

По наклонности к расколу..... 726.982

По нерадению..... 3.416.231

Не причащавшихся по опущению.. 2.196.714

Всего 6.340.927

Это и есть приблизительная цифра незаписных раскольников взрослых. За малолетством из 51.474.209 человек не было на исповеди и у св. причастия 9.232.234, что составляет около одной пятой общего числа. Одна пятая цифры 6.340.927 будет: 1.268.185. Присовокупляя это число к числу взрослых незаписных раскольников, получим 7.709.112.

Записных раскольников по отчетам 1859 года значилось 875.382. Таким образом общее число раскольников в 1859 году было 8.584.494.

В исследованиях о числе раскольников, произведенных в 1863 году в центральном статистическом комитете министерства внутренних дел, под руководством члена государственного совета А. Г. Тройницкого, бывшего тогда товарищем министра внутренних дел, и в том же году напечатанных, сказано: "вернее всего можно принять (за раскольников) 10% всего населения России или 1/6 всего православного населения".

["Статистические таблицы, изданные при министерстве внутренних дел центральным статистическим комитетом". Спб., 1863 г., стр. 235.]

Исследования эти, произведенные г. Бушеном, основаны также на цифрах 1859 года. Одна шестая доля тогдашнего православного населения (51.474.209) составляет 8.580.000, то есть то же, что и нами сейчас выведено.

Но кроме незаписных (хотя и явных) раскольников, у нас немало тайных сектаторов, которые, следуя учению несравненно более противному православию, чем все виды так называемого старообрядства, считаются самыми усердными сынами церкви, ибо христианские обязанности исполняют усерднее всех. Они причащаются не однажды в год, а по четыре раза, они не уклоняются и в другое время от общественного богослужения и почитаются приходскими клирами за самых усердных прихожан. Таковы хлысты во всех отраслях этой секты: божьи люди, богомолы, ляды, купидоны, лазаревщина, монтаны, милютинская ересь, адамиты, шелапуты, холстовщина, духовные скопцы и обыкновенные скопцы. К этим сектам, признающим своих христов, богородиц, пророков, живых богов, принадлежали даже духовные лица.

[В прошлом (XVIII) столетии в Москве монашествующие Ивановского и Петровского монастырей, в Петербургской губернии -- Зеленецкого монастыря. Недавно, именно в 1867 году, в Харьковской губернии в одном из монастырей обнаружена такая же секта, о чем извещено было в газетах.]

Принадлежащих к этим тайным сектам исчислить нет никакой возможности. Центральный статистический комитет полагает, что их в России не менее 110.000.

Кроме того, есть отрасль раскола, так называемое Спасово согласие, разделяющаяся на несколько сект. Они исполняют требы в православных церквях, то есть крестят детей, приобщаются (особенно перед свадьбой), венчаются. Все они записываются в духовных росписях бытчиками у исповеди и св. причастия. Они находятся преимущественно в поволжских губерниях, от Нижегородской до Астраханской, а также в Пензенской, Тамбовской и отчасти в Воронежской. В одной Нижегородской губернии их более 60.000 (они-то, вероятно, и составляют разницу в цифрах, полученных мною и преосвященным Иеремиею). Всех же последователей Спасова согласия до 700.000.

Прибавив 110.000 последователей тайных сект и 700.000 Спасова согласия, получим цифру в 9.300.000.

Эта цифра относится к 1859 году. С тех пор прошло девять лет. Статистические исследования о движении народонаселения в России показывают, что у нас ежегодное приращение равняется 1,3%, а в девять лет 11,7. Следовательно цифра, равнявшаяся девять лет тому назад

9.300.000, теперь уже возросла **свыше десяти миллионов двухсот тысяч**, именно 10.295.000. Но так как эту цифру нельзя считать положительно верною, то мы и полагаем, что раскольников теперь **от десяти до девяти миллионов**.

В последнее время (1868) немало говорят о том, будто число раскольников умножается. И действительно, в газетах часто встречаются известия об уклонениях в раскол целыми массами. Так, года четыре тому назад в Симбирской губернии разом обратилось в раскол более пяти тысяч, в 1867 году половина города Петровска (Саратовской губернии), то есть пять тысяч, в октябре 1867 половина села Богородского (Горбатовского уезда, Нижегородской губернии), то есть три тысячи, и т. д. К местным начальствам и в центральное управление часто поступают просьбы от целых обществ, в которых они, говоря, что издавна не принадлежат к господствующей церкви, ходатайствуют о дозволении им отправлять религиозные обряды по-своему и об исключении их из списков православных. Эти явления еще не доказывают, чтобы число раскольников действительно увеличивалось, чтобы соращения в раскол совершались массами, и чтобы православная паства терпела ущерб.

Это не что иное, как стремление незаписных раскольников, составляющих около девяти десятых общего числа, попасть в число записных и тем окончательно избавиться от всяких столкновений с приходскими причтами. В последние годы, когда система правительственных действий относительно раскольников значительно изменилась и они уже не преследуются за свои заблуждения, когда затем крепостная зависимость крестьян от помещиков прекратилась, незаписные раскольники стали открыто заявлять принадлежность свою к расколу, которому, впрочем, следовали со дня своего рождения. Число раскольников, собственно говоря, не увеличивается, оно остается то же, но раскол начинает выходить наружу, и это явление некоторыми принимается за усиление раскола. В действительности же раскол значительно слабеет против прежнего: слабеет его дух, его нетерпимость, его фанатизм. Гражданское полноправие раскольников и распространение в народе образования, без сомнения, ослабят его еще более и послужат к совершенному его уничтожению. Но, конечно, это может совершиться не вдруг, а в продолжение, быть может, еще многих десятилетий и при том непременно условии, что система стеснений, оказавшаяся на опыте лишь способствовавшей к умножению раскольников и к усилению фанатизма раскола, никогда и ни в каком виде не будет восстанавливаема.

1868 г.